

II

МАТЕРИ*

О религиозных отношениях между женою и мужем, как христианами, я не буду говорить — понятия об этом установлены учением церкви о таинстве брака; учение церкви подробно объяснено великими учителями церкви, и с этой стороны между христианами не может быть никакого разномыслия, никаких недоразумений, и потому даже излагать свои понятия об этом предмете отдельному лицу — вещь лишняя; христианин должен только сказать: я сын церкви и понимаю отношения и обязанности к жене так, как предписывает понимать их церковь.

Но совершенно другое дело житейские, земные отношения между мужем и женою. Конечно, и они во многом определяются учением церкви и ее пастырей; но весьма многое в этих отношениях зависит и от характера и образа мыслей каждого человека, в частности. Я человек малоопытный в жизни. Уже по этому одному многое в моем образе [мыслей] должно быть незрело. Но я надеюсь, что в сущности мой образ [мыслей] хорош и честен.

Если во всех тесных отношениях между людьми для доброго согласия и довольства друг другом необходимо нужна взаимная снисходительность и уступчивость, тем более нужна она в супружеской жизни, самом теснейшем союзе, какой только есть на земле. Эта снисходительность и уступчивость легка, когда есть сердечная привязанность.

В моем характере — о привычках я не говорю, они все могут измениться и, если понадобится, изменятся без всякого особого усилия с моей стороны, — но в моем характере, изменить который и изменить вдруг не всегда и не во всем зависит от собственного желания, есть довольно много такого, что нуждается в снисходительности, есть много слабых и странных сторон. Я уверен, что Ольга Сократовна примирится с ними, потому что в ней много доброты и снисходительности. Еще более дает мне права ожидать этой снисходительности моя привязанность к Ольге Сократовне. Чем более мы будем жить вместе, тем более Ольга Сократовна будет убеждаться в том, как сильна эта привязанность. И, я уверен, из-за безграничной привязанности к ней жена всегда легко простит мужу многое странное и слабое в его характере, особенно когда будет видеть, что все в его жизни и поступках подчиняется одной мысли — сделать ее, насколько у него достаёт сил и возможности, довольною и счастливою, потому что он находит главным своим счастьем счастье и довольство жены. А такова была бы моя супружеская жизнь с какой бы то ни было женою, тем более с Ольгою Сократовною.

* Черновик ответа на просьбу А. К. Васильевой изложить взгляды жениха ее дочери на семейную жизнь. См. запись Дневника от 2 апреля 1853 г. Беловой текст не сохранился.

Нужна ли будет с моей стороны снисходительность к ней? Не думаю. По крайней мере, до сих пор, как ни внимательно наблюдал я за нею, не было ею ни сказано, ни сделано ничего, чем бы я когда-нибудь в каком бы то ни было расположении духа мог быть недоволен — мало того, я не заметил в ней ничего, о чем бы мог думать: «Лучше было бы, если б этого не было или если б это было иначе». Уступчивость с моей стороны пондобится во многом, — но она не будет мне нисколько тяжела, потому что, насколько я могу судить о себе, уступчивость и предупредительность составляют одну из существеннейших сторон моего характера. Противоречить без крайней необходимости, сделать что-нибудь не так, как хочется это другим, — не в моей натуре. Есть вещи, в которых я непреклонен, но это вещи, не касающиеся нисколько житейских отношений, это мои убеждения относительно различных теоретических вопросов, их я не изменю ни для кого, потому что не в моей воле, но или они не будут интересны для моей жены (чего бы я, однако, не желал и не ожидаю от Ольги Сократовны при ее любознательности и ее уме), или Ольга Сократовна сойдется со мною в этих убеждениях. Но во всех житейских отношениях, во всех домашних делах, во всем, что касается образа жизни, я всегда рад уступить, если только это принесет больше удовольствия людям, которых я люблю, потому что главное мое наслаждение — видеть, что мною довольны, а чьим же довольством дорожить, если не довольством жены?

Это естественно приводит меня к объяснениям о том, от кого в семействе должен по моим понятиям зависеть домашний образ жизни.

Мне кажется, гораздо более, чем от мужа, должен зависеть он от жены, потому что муж занят весьма многим кроме своего домашнего быта: и своими служебными делами, и своими собственными работами, и поэтому для него домашний быт — не единственная сфера, в которой живет он. А для жены образ жизни — домашний, и семейный порядок составляет все. А мне кажется, что для кого важное дело, мнение того и должно быть решительным в деле. Само собою, отдавать дело на суд можно только тому, в ком есть довольно рассудительности и благоразумия, чтобы решать его хорошо. Но — перехожу от общего вопроса к своим личным делам — если бы я не видел в Ольге Сократовне весьма много благоразумия, я и не решился бы никогда просить вас дать ее мне в подруги жизни. Я могу очень любить, могу даже уважать людей неблагоразумных, но разделить с ними жизнь я не решился бы никогда. Я совершенно полагаюсь на Ольгу Сократовну, — может быть более, чем на себя, — а полагаться я могу очень на немногих. Поэтому, между прочим, и кажется мне, что я буду с нею счастлив, поэтому-то думаю, что и она будет мною довольна. —

Я дописал это набело, когда пора уже было идти, поэтому я написал прямо набело еще $1\frac{1}{2}$ страницы и пишу теперь на память.

Я далеко не кончил, но время не ждет.

Оканчиваю несколькими словами:

Мне кажется, муж должен гораздо больше заботиться о том, чтоб им была довольна жена, чем жена о том, чтоб ею был доволен муж, потому что у мужа много других занятий, кроме семейного быта, для жены отношения к мужу обыкновенно единственная жизнь, поэтому для нее тяжелее переносить.

О приданом позвольте не говорить ни слова (это-то главное и было).

Доходы в Петербурге, на которые я рассчитываю — 2 000 р. сер., на это можно жить в Петербурге, как в Саратове на 1 400—1 500 р. сер.